

ЗООМОРФНЫЕ НАДОЧАЖНЫЕ ПОДСТАВКИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КАРНУТА

В эпоху ранней бронзы в памятниках Армении чрезвычайно широкое распространение получили оригинальные типы очагов, заслуженно считающиеся одним из наиболее характерных элементов культуры той поры. С каждым полевым сезоном число их находок увеличивается, непрерывно возрастает также многообразие видов и форм.

В ходе раскопок карпутского поселения эпохи ранней бронзы неоднократно встречались фрагментированные очаги и детали очажных подставок, в том числе более или менее сохранившиеся зооморфные изображения. Настоящее сообщение посвящено двум находкам 1983 и 1984 годов.

Публикуемый материал представляет собой однотипные глиняные переносные подковообразные подставки, образованные парными фигурами баранов. Первая из них обнаружена в 1983 г. в культурном слое поселения на глубине 0,6 м вместе с характерной черной и красной лощеной керамикой, орнаментированной линейно-геометрическим декором. Очаг трапециевиден в плане, имеет размеры 15×24 см, высота фигурок 10,5 см. Морды баранов треугольной формы, глаза переданы круглыми углублениями. Головы венчают крупные волути, изображающие крутые изогнутые рога. Привлекает характерный лаконизм, отсутствие лишних деталей в изображениях животного. Очаг изготовлен из плохо отмученной глины с большим количеством примесей—песка и мелких камешков; покрыт тонким слоем обмазки со следами залощенности (табл. 1).

Вторая подставка обнаружена в 1984 г. при раскопках прямоугольного помещения на нижнем участке юго-западного склона г. Сурб Минас. В центре помещения в толщу земляного пола был врыт глиняный стационарный очаг диаметром 35 см и глубиной 15 см. По своей форме он поз-

торяет широко распространенный тип круглых очагов с плоским кольцевым бортом и тремя вдающимися внутрь треугольными мысовидными выступами. Его внутренняя поверхность вместе с венчиком заглажена; наружная оставлена грубой. Именно в нем разводился огонь—его дно и стенки сильно прокалены. По-видимому, в течение всей жизни помещения за очагом осуществлялся самый тщательный уход—трещины в его стенках были замазаны, а зола и угли, вероятно, регулярно выгребались. Над ним находился *in situ* переносной подковообразный очаг, помещенный таким образом, что центры проемов обоих очагов были точно совмещены. Очаг обращен на юго-запад, очевидно, в сторону входа (соответствующая стена помещения не сохранилась). Он опирается на четыре ножки, расположенные по углам прямоугольника со сторонами 50×60 см, высота фигур баранов равна 27 см. Являясь в отношении конструкции и абриса увеличенной копией предыдущего, этот очаг изготовлен несравненно более тщательно и оформлен значительно детальнее. Под рогами баранов помещены уши. Сами рога не гладкие, как в первом случае, и имеют параллельные выступающие линии, что является довольно удачной имитацией характерной ребристости бараньих рогов. Далее следует отметить наличие на перемычке горизонтально поставленной крупной сквозной полушарной ручки. Наконец, на наклонных стенках проема имеются три небольших выступа, служивших для поддержания ставящегося на огонь сосуда (табл. 2).

Отмеченная детализация была достигнута за счет применения несложного технологического приема. Грубый остов, передававший лишь самые приблизительные очертания очага, покрыли слоем тонко отмученной глины толщиной 5—10 мм, в ко-

тором и были моделированы перечисленные детали.

Приведенными находками не исчерпывается список образцов зооморфной пластики и переносных очагов в Кариуте.

метов с параллельными рельефными линиями на поверхности, которые в настоящее время можно определить как обломки рогов фигур баранов от подобных подковообразных подставок. Многочислен-

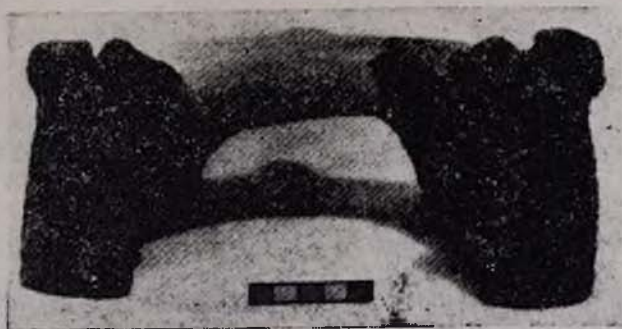
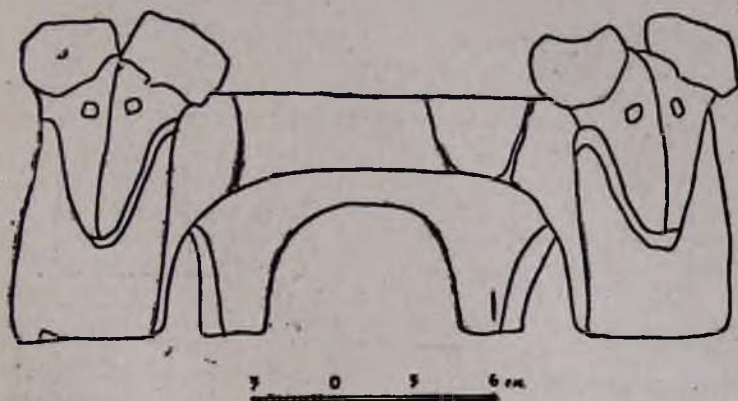

Табл. 1.

Практически каждый год как среди подъемного, так и стратифицированного материала встречаются их фрагменты. Так, в 1983 г. при расчистке одного из помещений были найдены отломанная морда фигуры барана, совершенно аналогичная вышеописанной, и крупный обломок подставки. Опять-таки копируя в основном предыдущие, и эта находка в свою очередь имеет ряд особенностей. Во-первых, вместо простого выступа на стенке проема здесь имеется сравнительно крупная глухая прямоугольная ручка; во-вторых, на плоскостях очага по обе стороны отломанной круглой ручки есть едва отпечатанные на глине окружности диаметром 5 см. Наконец, следует отметить находки фрагментированных округлых керамических пред-

ность фрагментов этого рода, возможно, говорит о наличии очагов рассматриваемого типа почти в каждом жилище. Карнутские материалы, таким образом, дополняют серию подковообразных зооморфных надочажных подставок, найденных в Шираке. Фигуры баранов напоминают таковые из Арча и Амасии¹, но с некоторым отличием—у первых морды не отделены от груди, в то время как у вторых они несколько клювообразны и образуют с туловищем значительный угол. Существенно различия и форма рогов—у карнутских экземпляров она волкотообразна, а у арчских и амасийских напоминает

¹ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1975, с. 72, 78.

полумесяц. Вероятно, в этом обстоятельстве сказался различный замысел мастеров—первому важно было возможно точнее повторить реальный образ, второму—придать изображению подчеркнуто сак-

в ряде случаев в единство, проявляется прежде всего в единообразии художественных принципов моделировки тел животных. В обоих случаях характерны аркообразные профили корпусов и монолитность

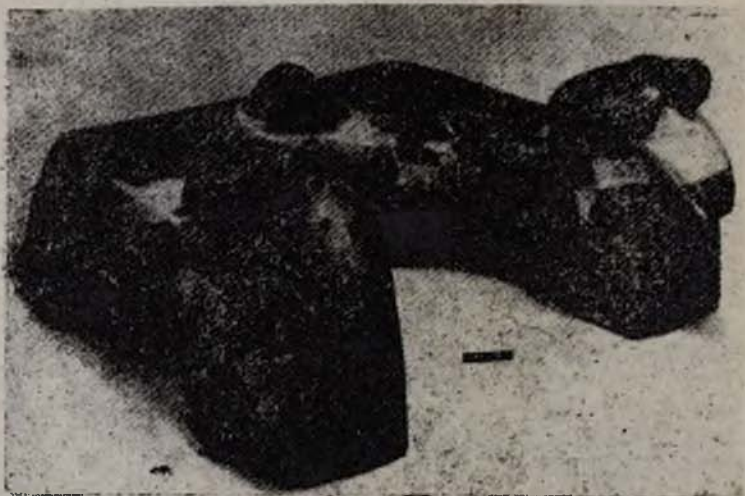
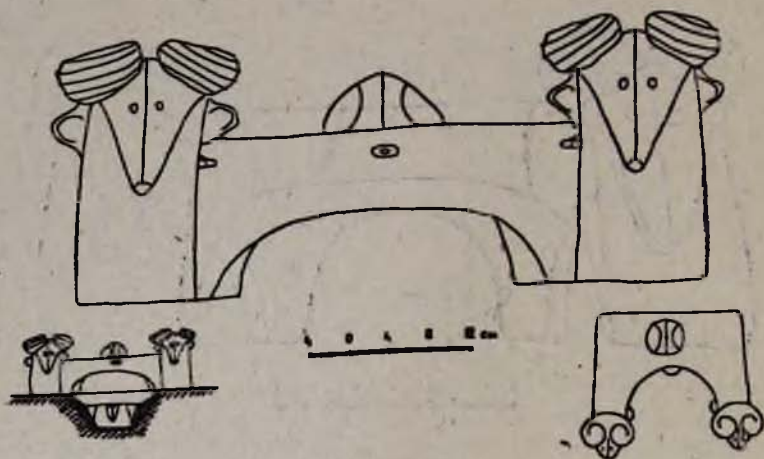

Табл. 2.

ральный характер. Так или иначе, эти образцы художественного творчества приобретая определенные индивидуальные черты. Тем не менее их общее композиционное построение совершенно идентично. Более того, бесспорная стилевая общность наблюдается между этой группой скульптур, с одной стороны, и мелкообъемной зооморфной пластикой ширакских поселений—с другой. Эта общность, переходящая

конечностей. Разумеется, крупным скульптурам присуща большая проработка деталей, стремление к натуралистически точной передаче внешних особенностей модели. В целом карнутские, аричские и амасийские находки входят в число самых разнообразных зооморфных очагов Армении рассматриваемого времени. В качестве наиболее близкой аналогии следует отметить трехногий подковообразный очаг из

Шенгавита, украшенный рельефными изображениями голов баранов². Несравненно шире распространены круглые очаги с внутренними выступами, подобные нижнему очагу из Карлута, стационарные врытые в пол (Ширакаван, Амиранис — гора, Озни, Кваихелеби, Нахичеванский Кюль — тепс) или переносные (Шенгавит, Карзз). Двух- или даже трехчастные очаги, состоящие из стационарной жаровни и устанавливаемых на ней подставок, обнаружены в Гарии³.

Таким образом, конструкция и тщательность исполнения очага делают возможным рассмотрение его не только как изделия утилитарного назначения, но и в качестве произведения прикладного искусства. В этом контексте следует отметить его двуплановую эстетическую функцию, заключающуюся, с одной стороны, в оформлении интерьера помещения, с другой — в самостоятельной художественной ценности очага. Его действительно следует признать выдающимся памятником искусства раннебронзової культуры Армении. Для его скульптур характерны строгость пропорций, четкое воспроизводство основных форм животного. Своеобразна определенная закономерность пластической передачи: ясное выделение объемов и расчлененность передней части фигур — головы и морды с рогами, выраженный геометризм тел и суммарная лепка не отделенных друг от друга ног. Именно на соединении подчеркнута реалистических черт и деталей, переданных весьма условно, строится выразительность фигур. Безусловная статичность, известная фронтальность и общая массивность скульптур

сообщает этому относительно небольшому по размерам памятнику внушительную монументальность. Подчеркивание только самого основного в силуэте и во всех частях фигур, спокойствие поз, уравновешенность правой и левой скульптур придает им торжественность.

Как правило, бесспорная эффективность подобных находок, своеобразие, выделяющее последние из числа обычных бытовых очагов, побуждает определять их как культовые, ассоциировать с алтарями, жертвенниками, вообще с сакральной сферой.

Подчеркнем еще раз, что большой карнутский очаг был обнаружен *in situ*. Это обстоятельство, безусловно, придает находке дополнительную значимость. Помещение с публикуемым культовым очагом по всем своим характеристикам является жилищем; таким образом, наш случай — дополнительная иллюстрация существования в III тысячелетии до н. э., наряду с обрядами общинных святилищ и храмовыми ритуалами, также ритуалов домашних⁴, совершаемых в каждом доме возле семейного очага⁵. Что касается меньшего переносного очага, то он мог служить для совершения обрядов во время перекочевок, на яйлагах⁶.

Вообще в культуре рассматриваемого времени очаги занимают совершенно исключительное место. Представляется, что в эпоху ранней бронзы основной формой культовой керамики были предметы, так или иначе связанные с огнем — разнообразные очаги, очажные подставки, курильницы, их модели. Исключение составляет, пожалуй, лишь ритон из раскопок Мохра-

² Է. Վ. Խանդավազյան, Հայկական լեռնաշխարհի մշակութային ժ. Բ. ա. III հազարամյակ, Երևան, 1967, աղ. XVI, Ս. 2. Ստրիշան, Խանդավազյան հանրագիտությունը Հայաստանում, Երևան, 1967, աղ. XLIX; С. А. Есаян, Скульптура древней Армении, Ереван, 1980, с. 14.

³ Է. Վ. Խանդավազյան, Գալսի IV, Երևան, 1969, էջ 14—15.

⁴ Г. Е. Арешян, Элементы религиозных представлений эпохи зарождения городской цивилизации (по материалам куро-араксской культуры) (тезисы конференции «Идеологические представления

древнейших обществ», М., 1980, с. 55).

⁵ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, с. 164. К примеру, по наблюдениям Т. Чубинишвили, на Амиранис-гора культово-обрядовая сторона жизни протекала на самом поселении и именно в жилых домах: «Некоторые итоги раскопок Амиранис-гора (Южная Грузия)» («Краткие сообщения Института археологии», № 106, М., 1966, с. 71).

⁶ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., с. 166; Т. С. Хачатрян, указ. соч., с. 79.

блур⁷. В остальных случаях, как правило, смысловая нагрузка керамики определялась наличием сложных орнаментальных композиций, отражавших, безусловно, определенные идеологические воззрения. Идея и смысл в них были выражены чисто художественными средствами. Развитие этих условно-орнаментальных форм изображения, очевидно, связано с необходимостью выразить те представления, которые не могли вылиться ни в один из известных древнему человеку реальных образов.

В археологическом материале Армении культовые очаги представлены не только на раннебронзовых памятниках, но и в значительно более поздних слоях, как, например, в крепостях Поплоз, Тмбадир⁸ и в Ошакане⁹.

Идея сакральности очага широко отражена, в частности, в армянской этнографии, где очаг предстает культовым атрибутом, связанным с благополучием семьи, умножением ее богатств, культом предков. Следует отметить, что нередко очаг выступал как совершенно равноценный церкви объект, перед которым совершались семейные обряды и церемонии, очаг мог заменить при венчании или крестинах церковный алтарь¹⁰. Очевидно, можно считать, что в наличии и иерархии семейных и родовых культов в известной степени отразилась социальная структура общества. В таком случае не исключено, что истоки культа очага как символа дома и семьи (эти понятия в армянской среде

даже стали синонимами) коренятся в наслонившейся на культ огня и слившейся с ним сакрализацией — единственно возможной в то время форме признания — процесса выделения и обособления отдельных семей.

Карнутские находки документируют также ярко выраженный культ барана. Баран или овца являлись очень частыми персонажами в изобразительном искусстве III—I тысячелетий до н. э. Помимо значительного количества образцов мелкообъемной пластики (Арич, Джаовит, Мохраблур, Нахичеванский Кюль-тепе, Урбинис, Амир-анис-гора) следует упомянуть сравнительно крупную каменную скульптуру барана из Мохраблур¹¹. Форму головы барана имеют ручки миски из погребения № 8 Кети¹². Аналогичным образом украшен сосуд из Кировакана¹³. В одном из погребений Хурджингогерского могильника обнаружен кувшин с четырьмя ручками в виде баранов¹⁴. Головы овец изображены также на стелах святилищ Двина, причем особо подчеркнута небесная принадлежность этих животных¹⁵. Кубки с рельефными головками овец обнаружены в погребениях Шикахоха¹⁶. Наконец, из святилища Мелнгеле I происходят женские статуэтки, на некоторых из них есть маски в виде головы барана¹⁷. Истоки этого культа исследователи в основном усматривают в огромной хозяйственной роли этого животного. Между тем на большом карнутском очаге изображен скорее ди-

⁷ Г. Е. Арешян, указ. соч., с. 57.

⁸ С. А. Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976, с. 236—237.

⁹ Լ. Բրյազդ, Ն. Ենգիբարյան, Պարամոնիայի օշակերտ օշակներից (ՀՍՍՀ ԳԱ «Բարեր համարակալան գիտություններ», 1982, № 7, էջ 96—98):

¹⁰ Մ. Աբեղյան, Երկեր, հ. 5, Երևան, 1975, էջ 58—61, Խ. Սահակելյան, Հին Հայաստանի կոլտություն, հ. 1, Երևան, 1941, էջ 304:

¹¹ Г. Е. Арешян, Искусство куро-араксской культуры («II международный симпозиум по армянскому искусству», Ереван, 1978, с. 10).

¹² Л. А. Петросян, Материальная культура северо-западного Ширака III—I

тыс. л. до н. э. (по материалам Кети и Воске-аска) (канд. дисс., Ереван, 1984, с. 31, табл. 33, 6).

¹³ Է. Վ. Խանգաղյան, Էշակ-Պարանի, Երևան, 1979, էջ 100, նկ 132:

¹⁴ С. А. Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, с. 227.

¹⁵ К. Х. Кушнарева, Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977, с. 60.

¹⁶ Раскопки О. С. Хикикяна, результаты не опубликованы. Благодарим за предоставленную возможность использовать эти материалы.

¹⁷ К. Н. Пицхелаури, Восточная Грузия в конце бронзового века («Труды Кахетской археологической экспедиции», III, Тбилиси, 1979, с. 51).

кий баран—муфлон, а не его одомашненный потомок¹⁸. Предполагать в данном случае наличие пережитков промыслового культа у нас нет оснований, так как среди наскальных изображений Армении баран ни разу не представлен как объект охоты¹⁹. Нет и костных остатков муфлона в опубликованных остеологических коллекциях с памятников V—III тысячелетий до н. э. Скорее нужно учитывать данные общего порядка, свидетельствующие, что во всех случаях в образе барана в первую очередь подчеркивается плодовитость, связь с солнцем. Небесная принадлежность барана, зафиксированная на двинских стелах и устойчиво повторяющаяся в наскальных изображениях²⁰, находит аналогии в целом ряде религиозных систем. Сочетание этого обстоятельства с очагом дает нам небесный огонь, т. е. солнце (напомним высказывание А. Мартиросяна, что

головы баранов на трехногом шенгавитском очаге подчеркивают связь этого животного с огнем, следовательно, и со светилами)²¹, аналогии чему прослеживаются в религии древнего Египта, где священным животным бога солнца Амона был баран. Бог плодородия Хнум, кстати, в древности также изображался в виде барана, затем—в виде человека с бараньей головой. Богу Осирису в облике барана поклонялись женщины, чтобы приобрести свойственную ему плодовитость.

В целом несомненно, что культ барана формировался из различных источников. Понимание этого образа претерпело значительную трансформацию, изменяясь от древнейших, возможно тотемических, представлений до олицетворения в нем животворной силы природы.

РУБЕН БАДАЛЯН

¹⁸ Пользуемся случаем поблагодарить С. К. Межлумян за проведенное определение.

¹⁹ Հ. Ա. Մարտիրոսյան, Հայաստանի նախնադարյան նշանագրերը և նրանց պարսկա-հայկական կրկնակները, Երևան, 1973, էջ 32.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.